

Неля Булгакова

ШТРАФНАЯ ЗОНА

роман

Часть первая. Полузащитник

Глава 1

Станция «Марс 2022». Госпиталь в Майами

В больничной палате, заглушая шум волн за окном, нервно гудела капсула регенерации, сквозь узкие просветы жалюзи пробивалось солнце. Из-за гудения капсулы и неровных солнечных полосок, расчертивших стены в подобие тропической хижины, казалось, что в комнате мечется сердитый и невидимый шмель. И всё это, — солнце, море, воображаемый шмель, и даже жёлтый бок ненавистой капсулы, — всё некстати напоминало, как прекрасна жизнь за стенами госпиталя.

Дэн, студент университета истории Земли и, по-совместительству, полузащитник сборной по футболу факультета «Анализа и предотвращения», тоскливо следил за процессом регенерации колена на экране капсулы, куда была засунута пострадавшая нога, а заодно, и его тело по самое

горло. Процесс шёл, но медленно и нудно. Хотелось домой. Хотелось к маме. И не важно сколько тебе лет — три или семнадцать. Не важно, что ты уже год, как закончил школу. Когда что-то болит, сразу хочется к маме. А ещё блинов с медом. А ещё в свою комнату и, чтобы никто не трогал, включить фильм подревнее или книгу настоящую, бумажную достать с полки. Но «чтобы никто не трогал» уже не получится. И мама, к которой так хотелось сейчас, именно мама не оставит его в покое, пока он не пообещает ей бросить футбол.

Третья травма за два года. На этот раз что-то серьёзное, отец от врачей вышел презлющий. Говорят, что раньше, ещё на Земле, футбол был довольно мирной игрой — азартной, бешено популярной, но мирной. Что-то там вроде уже начиналось, но касалось только болельщиков, однако, сама игра была по другим правилам. А на Марсе футбол почему-то стал игрой на выживание, как, впрочем, и все командные игры. Если бы не их медицина, то за сезон теряли бы пару-тройку игроков. Интересно, что по этому поводу думают психомарсологи? Дэн распахнул глаза и глубоко задышал, чтобы не заплакать. Было ясно, что на поле ему уже не вернуться, родители на этот раз настроены серьёзно. Придётся выбирать какой-нибудь скучный теннис или яхтинг. Да. Против родителей не попрёшь. Это тебе не

комиссия по этике и сохранению.

Открылась дверь палаты. На пороге стоял высокий, светловолосый парень.

— Ну как ты после вчерашнего? Колено слепили? — парень неуверенно подошёл к торчащей из капсулы голове Дэна.

— Слепили, — Дэн поморщился и сдул чёлку со лба. — Почти час рихтовали.

— Ого. Целый час. Отключали?

— Не, я отказался.

— Молодец, Дэн! Быстрее восстановишься. Игра, конечно, была жестокая. Зато им вломили, когда тебя с поля унесли — половину команды уложили. А наши трибуну чуть не сломали. Ты не переживай, финал через месяц, так что в игру попадаешь, — светловолосый парень сел в круглое кресло возле капсулы.

— У меня завал по римскому праву. Какой тут финал, — уныло ответил Дэн.

— Прорвёмся, — парень беспечно махнул рукой. — Кстати, Линда сегодня собралась на Капитолийский холм. Говорят, там интерактив крутой запустили, всё римское право Юстиниан с Гаем тебе лично растолкуют, ну и размяться заодно можно с варварами. Давай тоже?

— Что «тоже»? С варварами разминаться или лекции слушать?

— Это как пойдёт.

— У меня для разминки колено неподходящее.

— Ты же на лошади будешь сидеть. Копьём махать — это тебе не по мячу пинать на поле, колени не нужны.

— Да, Алекс, чувствую, подготовлюсь я с тобой к экзамену. Нет уж. Обойдусь без интерактива. Как-нибудь по старинке — экранчик, буковки, — голова из капсулы шмыгнула носом.

— Ты ещё про бумагу вспомни.

— Кстати, о бумаге. Чуть не забыл. В Рим мне всё-таки придётся смотаться, нужно в библиотеке парочку папирусов забрать.

Светловолосый парень по имени Алекс, окончательно освоившись в больничной палате и перестав бояться капсулы, подбросил на ладони небольшой шарик. Тот подлетел, замер в воздухе на пару секунд и снова мягко опустился на ладонь. Шарик назывался «портативная гравитационная свертка», сокращенно — ПГС.

— Не позавидуешь вам, гуманитариям. Ничего для вас не меняется, уже на Марсе живём, а вы в древних свитках с Земли ковыряетесь, — Алекс убрал шарик в карман.

— Вот потому и живём под куполом как жуки в банке, потому что плохо ковырялись. Приходится навёрстывать, а то, как бы и отсюда бежать не пришлось, — проворчал Дэн.

— Отсюда не побежим, Дэн. И вовсе мы не как жуки в банке, а как высокоорганизованные особи в идеальной экосистеме, где нет болезней, голода и смерти. Это я тебе как биолог говорю. — Алекс встал с кресла, засунул руки в карманы и, вытянув шею, стал разглядывать панель управления капсулой, хмуря лоб и шевеля губами. Худой, с длинной шеей и большой головой, он был похож на страуса и щенка одновременно.

Дэн скосил глаза на друга и зевнул.

— Ладно, особь, мне спать нужно для регенерации тканей. Это я тебе как хронопатолог говорю. Проваливай. Встретимся завтра на холме.

— А ты на чём туда? Давай вместе на бочке.

— Я на велике. Мне колено новое разминать надо.

— Ну смотри. До завтра.

Алекс вышел из медицинского корпуса на широкое крыльцо и зажмурился. После полутёмного бокса яркое солнце слепило глаза. На белые, с серыми проплешинами облетевшей штукатурки, нагретые солнцем стены, падали тени от высоких пальм, увитых почти до середины белыми орхидеями. Пахло морем и цветами. Алекс спустился с мраморной лестницы, распугав ящериц. Океан шумел метрах в ста, но никто не купался, для пляжного сезона было ещё рановато. На этом участке марсианской станции стояла ранняя весна.

В палате продолжала едва слышно щёлкать аппаратура. Дэн поёрзал в капсуле, устраивая поудобнее затёкшее тело, страдальчески подвигал носом от невозможности подвигать чем-либо и закрыл глаза. Но уснуть ему не удалось, открылась дверь и вошёл молодой мужчина в бейсбольной кепке.

— Сашка! Брат! — Дэн умудрился подпрыгнуть лёжа, в тот же момент капсула нервно запикала от сотрясения.

— Тише ты, футболист. Неплохо, смотрю, устроился, — мужчина подошёл к капсуле. — Я, понимаешь, до сорока лет дожил и ни разу сюда не загремел. А госпиталь-то оказывается в Майами отгрохали. Теперь понятно, чего тебя сюда тянет: океан, девочки... Третий раз здесь развлекаешься, — мужчина говорил весело и одновременно нажимал кнопки на панели, потом замолчал, читая данные с экрана, повернулся к брату и сказал уже серьёзно, — третий и последний. Ты понимаешь — почему? Данилка, ты уже взрослый. Это не спорт, это бойня для драгеров.

Дэн хотел ответить, но тут запиликал таймер капсулы, и снова открылась дверь. На этот раз в палату вошёл врач. Он тоже подошёл к капсуле, но вместо того, чтобы освободить Дэна, почему-то сунул руки в карманы и устоялся на несчастную

голову. Саша стоял рядом. Оба молчали. Дэн понял, что воспитательная часть лечения еще не кончилась.

— Всё уже... осознал, глубоко раскаиваюсь и впредь клянусь, — пробурчал он, — оффсайд... вытаскивайте меня.

Врач, для закрепления эффекта, еще несколько секунд помучил Дэна профессиональным взглядом, потом откинул капсулу и, так не произнеся ни слова, вышел из палаты. Дэн показал язык закрытой двери и осторожно согнул обновлённую ногу. Саша приподнял кушетку, сел рядом и похлопал брата по плечу.

— Ну что, рыцарь правого фланга, готов к подвигам? Ты не поверишь, кроме футбола, у нас на станции есть масса занимательных вещей. Например, наука и творчество. Разумеется, в твои семнадцать лет, справедливая битва — это геройство. Но нет, Дэн. Любая битва — это просто бойня.

— Саш, а почему футбол не запретят, если это просто бойня?

— Потому что у нас свобода и личная ответственность. На Марсе никто никому ничего не запрещает.

— А мне почему...

— Потому что у тебя личная ответственность перед нашими родителями и перед собственным

будущим.

— А...

— Не разводи демагогию, Дэн, — Саша махнул рукой, — лучше посмотри, что я тебе принёс, — он достал из холщовой сумки две книги и протянул Дэну.

— Держи. Фантастика с земли, конец двадцатого века.

— Сашка! Ты братан! Спасибо! Где добыл?

— В архиве у меня попало. Странно, конечно, как они могли оказаться в отделе медстатистики. Но я просмотрел их. Занятно, хоть я и не любитель старой литературы, зато, теперь я знаю, как люди в двадцатом веке представляли себе будущее человечества.

— Ну и как? Угадали?

— Почти. Только люди думали, что мы такой мир построим на Земле.

Дэн бережно взял книги.

— Я не знаю этих авторов, — он осторожно погладил потрёпанную обложку.

— Может, их не включили в список наследия. Ладно, потом считаешь. Завтра мы с Валентиной к матери придём на ужин, тебя уже отпустят, ещё поболтаем. Давай поправляйся.

— А ты уже уходишь?

— Да я и так еле вырвался. Эх, жаль времени нет, аврал на работе, а то я бы тут прогулялся по

набережной. У нас в Питере сейчас плюс пять и мерзкий дождь.

— Как Валентина? — Дэн спросил брата и тут же пожалел. Саша заметно помрачнел.

Не надо было напоминать, Дэн и так знал, из-за чего страдала Валентина — жена брата. Они с Сашей были женаты уже десять лет, но так и не смогли получить разрешение на рождение ребенка.

— Да так себе. Записалась в какой-то очередной дурацкий комитет, — ответил Саша.

— Откуда они берутся, эти комитеты?

— Да всё оттуда. От разочарования.

— Может, вам больше не стоит ходить на жребий.

— Да я бы рад. Не могу её убедить, а она надеется. Каждые полгода квота на детей — десять эмбрионов. А нас десять тысяч, шансы нулевые. Но она идёт и верит. А потом...

— Сейчас рожают хоть до двухсот лет, когда-нибудь и ваша очередь подойдет. Не понимаю, чего она убивается.

Саша грустно улыбнулся.

— Трудно обмануть биологию. Это твою историю можно заново переписать, а человека даже на Марсе не переделаешь. Тем более, женщину.

— Историю, между прочим, тоже не обманешь! — кинулся возражать Дэн.

— Завтра за ужином поспорим. Родители

ждут не дождутся, когда тебя отпустят. Быстрой регенерации, Данилка.

Старший брат закрыл за собой дверь, а Дэн жадно раскрыл книгу, даже не вспомнив, что собирался спать.

Глава 2

Земля — 2115. Школа

Из-под старой, ободранной парты выглядывали пегие вихры.

— Бонька! — вслед за вихрами показалась курносая физиономия, — Бонька! Смотри!

— Ух-ты! Это ж батарейка! Настоящая! Где взял? — под парту заглянул смуглый, худой пацанёнок. На вид ему было не больше девяти, но, судя по голубой нашивке форменной куртки, учился он в среднем звене. А значит, уже исполнилось двенадцать.

— У Лешего выменял на фонарик.

— Ха. Зачем тебе теперь батарейка, если фонарика нет?

— Мне Песок еще достанет, — из-под парты, наконец, полностью вылез обладатель вихров. Курносый мальчишка выглядел покрепче своего друга, но, по-недетски худым щекам, чёрным подглазьям, прозрачным запястьям и остальным печальным приметам, было видно, что досыта он ел

нечасто.

— Гонишь, — сказал смуглый и отвернулся.

— Ещё чего! Я серьезно. Его Кривой берет с собой в следующий рейс, Песок не брехло.

— Значит, он ходит?

— Конечно, ходит. А откуда, по-твоему, всё это? Батарейки, фонарики, и, знаешь, он рассказывал, что есть такая штука — коробочка плоская, как маленький телевизор, но там не сводки показывают, там можно кино смотреть, какое хочешь.

— Тю. Мне эти фильмы уже по горло. И так каждый день заставляют.

— Это ж другие фильмы, болван. Интересные. Кривой смотрел, чистый фанк — дерутся и ещё целуются.

— Что ж тут интересного? У нас в шестом поселке такое кино каждый вечер, выглядывай в окно и смотри, если не стошнит от тех поцелуев.

— Ты не понимаешь, Бонька. Это другое кино, запрещённое. Его до Последней войны снимали. А ещё на этой коробочке кнопки есть специальные, чтобы играть.

— Как это?

— А вот так. Нажимаешь кнопки и сам картинку двигаешь, — рыжий мальчик округлил глаза.

— Не понял. Ты всё-таки гонишь, Пашка. Как

это кнопками можно играть?

— Я не видел. Но Песок сказал, что это... — рыжий Пашка понизил голос до шёпота, — это как искусственный разум.

— Че-его? Какой разум?

— Тс-с. Искусственный. Он с тобой может в шахматы играть.

— Ты чего? — Бонька испуганно оглянулся, — про шахматы нельзя говорить, они же в первом протоколе запрета.

— Ну и чё? Не болтай кому попало, делов-то. Кривой сказал, что игра чёткая.

— А кто делает такие коробочки? Их же всех на каторге загробят до могильников.

— Сфигали их делают? Ты, Бонька, тупака даёшь, — коробочки все старые. Ещё с того времени... До войны. Их налаживают, а сначала находят.

— Где?

— Где... Будто не знаешь где. В запретке.

— Вот сами и дураки. Там же радиация в запретке. Фонарик принесут, а сами через полгода того.

— Ну-у, не знаю. Кривой уже несколько лет ходит и вроде как живой. Зато у него квартира в городе, там электричество четыре часа в сутки, а телевизор заставляют смотреть только два часа. Всё потому, что бабки есть. А бабки откуда? А? А всё

оттуда. С запретки.

Смуглый Бонька хотел возразить, но в класс вошёл учитель. Пашка не успел нырнуть под парту.

— Воронов, немедленно на место. Напоминаю — у тебя уже имеются два взыскания. Так вот, сегодня будет третье, если после уроков ты пропустишь колку дров, — учитель, мужчина в темном френче неопределённого возраста с отёчным и неуловимо женским лицом, говорил монотонным голосом глядя в потолок. — Осталось последнее нарушение, и ты, Воронов, идёшь на санобработку.

В классе раздался еле слышный вздох, дети испуганно попрыгали глазами. Пашка выполз из-под парты и поплёлся в конец класса. Учитель медленно прошёл к своему столу и развернулся к классу. Дети сидели в полной тишине, опустив головы. Прошло минут пять, всё это время учитель переводил взгляд с одного ученика на другого. Тишина звенела грязными стёклами на окнах, чадили лампы, в классе было холодно, сквозь щели свистел ветер, но дети не двигались, боясь пошевелиться.

— Сегодня мы продолжим повторять правила четвёртого протокола. Начнёт... — учитель вновь медленно осмотрел класс и, наконец, остановил взгляд на смуглом лице Боньки, — начнёт Гаврилов. Выходи к доске и перечисли основные

тезисы четвертого протокола, а заодно напомни нам, при каких обстоятельствах был принят четвёртый протокол.

Бонька вышел к доске. Стоя он казался ещё меньше ростом. Форменная куртка, больше чем нужно на два размера, висела на нем, как тряпье на веревке. Холод пробирался сквозь свободный ворот и широкие рукава, но мальчик не смел кутаться при учителе.

— Не медли. Начинай.

— Четвертый протокол был принят после второго антинаучного резю... резю...

— Резонадоса. Итак. Когда это произошло?

— В две тысячи двадцать втором году.

— Что было постановлено? Не тяни. Отвечай чётко.

— Было постановлено, что научно-технический прогресс привёл нашу планету на край гибели. Он перестал... это... служить людям, и стал служить горстке этих... нечестных стяжателей, поработивших трудовые массы с помощью... э... этих... информационных технологий...

— Три раза «этих»! Гаврилов! Где ясность изложения? Через месяц в школу прибудет инспекция управления по сохранению! Каждый из вас должен уметь произнести все девять протоколов, а вы блеете, — учитель, слегка

задыхаясь и багровея, начал подвизгивать. — Но я не допущу позора! С такой подготовкой ещё раньше вы промаршируете в санблок! Гаврилов! Продолжай основные положения четвёртого протокола. Всем встать и повторять хором. Без остановки!

Дети вылезли из-за парт и встали в проходах. Смуглый Бонька поднял голову, набрал воздух и вдруг громко, с видимым напряжением, начал выговаривать слова.

— Мы, сохранившие разум в Последней войне, клянёмся никогда не забыть нашу победу над хаосом разрушения мира. Мира людей. Мира, который был расколот на две части.

Учитель кивком дал команду классу. Дети подхватили: «Мы, сохранившие разум в Последней войне, клянёмся... Признание единственно верных законов в семье, работе и обществе... Повиновение правящей группе разума и справедливости. Закон и порядок. Семья и общество. Традиция и преемственность. Мы больше не допустим вольности и свободы выбора. Свобода выбора приводит к хаосу. Мы недопустим конкуренции. Конкуренция приводит к неравенству. Мы не допустим собственности. Собственность приводит к несправедливости...»

Ученики произносили монотонный текст. Учитель кивал в такт. Сохранять равновесие и

декламировать было трудно. Слабые от недоедания и отсутствия медицины, дети засыпали в моменты коллективного транса, из которых состояла большая часть школьного дня. Но спать было нельзя. Нельзя было показывать слабость. Учителя злились, если замечали у детей плохое здоровье. У детей, живущих в охранной зоне особого назначения, не могло быть плохого здоровья. Это противоречило своду протоколов.

Бонька, немного пошатываясь в такт речи, продолжал говорить, уже не боясь сбиться или забыть текст. Мальчик знал, что в общих чтениях через несколько минут словно включается «вторая голова», которая живёт и говорит сама по себе. Голова отлично помнила все протоколы. Главное, не мешать ей и не начать думать в этот момент «своей» головой.

Обычно хоровое чтение протоколов длилось в среднем звене пятнадцать-двадцать минут. Больше дети не выдерживали. В остальное время на уроке учитель растолковывал новые, еще невыученные протоколы. Но сегодня занятия прервала делегация из трех человек, в класс вошли две женщины из старшего звена школы и один мужчина в военной форме.

— Соратник Бушников, — обратилась к учителю худая женщина в голубой форме старшего воспитателя, — мы вынуждены остановить вас,

потому что перед учениками сейчас выступит инструктор из управления по защите охранной территории соратник Ведерно.

Вторая женщина в черном костюме администрации школы повернулась к классу. Какое-то время она стояла, поджав губы и магнетизируя детей взглядом, как прежде это делал учитель. Выдержав двухминутную паузу, она кивнула сама себе головой и начала говорить.

— Нам стало известно, что несколько учеников из старшего звена пытались проникнуть на запрещённую территорию с целью наживы. Все они пойманы, теперь их ждёт наказание в соответствии с восьмым пунктом правил безопасности. Мы все здесь отвечаем друг за друга и не можем оставаться в стороне, когда некоторые из вас совершают преступление, поэтому вас ждут дополнительные занятия по контролю и безопасности и дополнительные часы по общественно-полезному труду. Вы знаете, что на нас возложена высочайшая ответственность жить в охранной зоне. Именно мы обязаны защитить наш мир от враждебного наследия. Мы похоронили его вместе с оружием, способным уничтожить Землю. Мы похоронили все изобретения врагов человечества, закончив Последнюю войну, чтобы никогда больше не возникло соблазна воспользоваться технологиями, едва не

погубившими род человеческий. Ваши родители посвятили свою жизнь работе на территории захоронения. Вам предстоит такая же работа. Наш мир в опасности, а в это время находятся те, кто предаёт своих родителей. Я повторяю ещё раз — никто не избежит наказания. Соратник из управления по защите инспектор Ведерно сейчас сообщит вам новости последних постановлений секции наказаний.

Мужчина в военной форме, туго обтягивающей круглый живот, поправил ремень и откашлялся.

— За последний месяц было обнаружено восемь попыток проникновения на территорию захоронения, — начал инспектор неожиданно тонким и сипатым голосом, — пятеро нарушителей — жители нашего поселка. Таким образом, используя право применять исключительные меры в ситуациях повышенной угрозы, в секции наказаний подписан приказ за номером восемь тысяч четыреста седьмой: возраст уголовной ответственности за хранение и продажу артефактов с радиоактивной территории теперь снижен до двенадцати лет. Да-да, — сипатый ухмыльнулся, увидев оживление в классе, — отныне с двенадцати лет без суда на каторгу. Это за батарейку. За книгу или фильм — трибунал.

Инспектор Ведерно продолжал ещё что-то

бубнить, поглаживая время от времени живот. Две женщины, — одна в голубой, другая в чёрной форме, — не отрывали замороженного взгляда от его рта, синхронно вытягивая шеи, когда он замолкал. Учитель внимательно следил за детьми в классе. Ветер за окном стих, крупными, редкими хлопьями медленно падал снег. Начинался март.

Глава 3

Станция «Марс -2022». Дом

Из кухни пахло яблочным пирогом. Судя по запаху пирог был правильный — с корицей и сладкой начинкой, которая с краёв подтекая на противень, оплавлялась яблочной карамелью. Неповторимый запах детства.

Дэн сидел с отцом в столовой за накрытым столом. Ждали брата с женой. Мама, счастливая редким моментом единения семьи, носила с кухни бесконечные салатники и соусники.

— Из-за вас не могу её уговорить поставить «лёгкую плиту», — проворчал отец, когда мама в очередной раз выбежала на кухню, — заявляетесь, хорошо если раз в месяц, а она держит «чадилку», чтобы сыночков побаловать душевной едой, — отец кивнул в сторону кухни.

— Да, ладно, пап, вам же самим нравится «старая кухня». Мама всегда не любила

молекулярку.

— Сами мы уж давно доставкой могли бы обойтись. Понятно, Александр работает, но ты-то мог бы почаще заглядывать.

— Я учусь, — Дэн стащил со стола кусок сыра.

— Это на лекциях тебе колено снесли?

— Ладно, пап, не напоминай. Я уже решил.

— Бросаешь футбол?

— Сказал же, — Дэн хмуро уставился в пол.

Отец недоверчиво посмотрел на Дэна. За дверью столовой раздались голоса, через пару минут вошёл брат Саша с женой — худенькой, темноволосой женщиной, которую можно было бы принять за девочку, если бы не рано поседевшие волосы.

— Ура! — закричал Дэн, — наконец-то мы будем есть, — он подскочил к брату и попытался запрыгнуть ему на спину по детской привычке, но брат ловко вывернулся и повалил Дэна на пол.

— Ты не ешь, троглодит, ты жрёшь! Жрёшь, жрёшь и жрёшь! — Саша зажал голову младшего брата, намереваясь поставить щелбан.

— Себя вспомни в семнадцать лет, — засмеялась мама, внося блюдо с гусем, — такой же троглодит был.

— Почему был? Я есть троглодит и буду троглодит, пока у моей мамы последняя и

единственная на Марсе человеческая кухня из человеческого жилища двадцатого века, — Саша бросил голову Дэна и взял у мамы блюдо. — Ух-ты! Такое бездарно делить на всех, это должно достаться одному.

Наконец все расселись за столом. Мама в довершение зажгла свечи. Синева за окном постепенно густела, дрожали неведомые огоньки, за искусственными облаками пряталась искусственная луна. В столовой было уютно и тепло.

— Как я рада, что мы собрались, — сказала мама.

— Для этого стоило пожертвовать Данилкиным коленом, — отозвался старший брат.

— Не будем о грустном. Давайте вспомним нашу чудесную традицию делиться хорошими новостями. Рассказываем, у кого что.

— Вот, с тебя, Наденька, и начнём, — ответил отец, открывая бутылку с вином, — ты пока рассказывай, можешь подольше, а мы, пожалуй, приступим, сама-то уже и так нанюхалась.

— Ну с меня, так с меня. У меня отличная новость! В нашей лаборатории наконец-то удалось создать таракана.

— Кого?

— Таракана! Насекомое, которое не было включено в программу «Ковчег». Про него просто забыли. Вы представляете? У нас было шестнадцать

неудачных попыток, и наконец вот, получился! Мы назвали его «Кукарача семнадцатый».

— А какая от них была польза, от этих тараканов. Они мёд приносили? — спросил Дэн.

— Никакой пользы. Люди их истребляли, потому что тараканы были вроде крыс, селились в человеческом жилье, в грязи, отходах, разносили инфекцию.

— Зачем же вы их создали? Разве у лаборатории нет более важной цели, — спросила Валентина. Она, не дожидаясь первого тоста, залпом выпила пол-бокала вина и со стуком поставила бокал на стол. Несколько капель выплеснулось, расплываясь розовыми пятнами на скатерти. Александр с тревогой взглянул на жену.

— Наша лаборатория занимается экосистемой, Валюша, — мягко и терпеливо ответила мама, — а экосистема — очень тонкая структура. Каждый элемент тянется тысячами связей к остальным, никто не может предположить, какой из них нарушит хрупкое равновесие и, наоборот, что нам позволит обнаружить этот таракан. Может быть, он окажется недостающим звеном в поиске оптимальной атмосферы Марса.

— Даешь Кукарачу семнадцатого! Благодаря ему мы, наконец, выберемся из-под купола идеальной экосистемы и попадем в естественную среду обитания! — Дэн попытался развеселить

Валентину, но она не его поддерживала.

— Ни у кого нет цели выбраться из под купола. Всё это вранье. Так и будем гнить под колпаком, — ответила Валентина.

— Это же непросто, Валь. Три экспедиции уже пропали. Мы не можем рисковать, — сказал Саша.

— Почему не можем? Саш? Почему? Всю историю человечество рисковало, гибло, умирало, рождалось и снова умирало. А мы не можем! Почему мы не можем больше умирать?

— Потому что мы победили смерть, — ответил отец.

— Мы победили смерть. А потом победили жизнь, — горько ответила Валя и закрыла глаза рукой.

Все замолчали.

— Вы ходили на жребий? — спросила после минутной тишины мама.

Саша кивнул.

— Валенька, может больше не стоит себя травить. Тысячи людей живут без детей.

— Да. Уговорили. Я буду жить без детей, — Валентина налила себе вина и встала с бокалом. Давайте выпьем за идеальный мир умных, добрых и справедливых людей. В этом идеальном мире никто не умирает, а раз никто не умирает, значит никто не рождается, потому что места на всех не хватит.

Место осталось только на Кукарачу семнадцатого. А на детей нет. Чтобы родить ребенка, надо уговорить своего дедушку или бабушку на добровольную эвтаназию. Честный обмен. Я бы попросила своего дедушку умереть, но вот незадача, он недавно женился. А как-нибудь ещё можно завести ребенка? Конечно можно. Можно раз в полгода ходить на жребий. Вдруг тебе повезёт и ты вытянешь разрешение на рождение, а в это время какой-нибудь старик вытянет направление на умерщвление. Только у стариков жребий, в отличие от нас, принудительный. Идеальный мир! Десять на десять каждые полгода.

— Валя, перестань! — Саша тоже встал.

— Так, все успокоились и сели, — сказал отец. — Валентина, мы тебя все прекрасно понимаем, твою личную трагедию... но ты не права. Вся наша станция работает на то, чтобы адаптировать среду чужой планеты под человеческий организм. Да. Наша наука уже почти добилась того, чтобы изменить атмосферу. На станции собраны лучшие умы человечества. Некоторым из них по сто восемьдесят лет. Людям удалось переправить учёных сюда, когда на Земле окончательно победило варварство и человечество пошло вспять в своем развитии. Это случилось на глазах моего отца, в начале двадцать первого века религиозный фанатизм победил разум. Всё

произошло буквально в пределах жизни одного поколения. Мой отец был известный физик, и поэтому он и попал в программу «Ковчег».

— А здесь он добровольно умер, чтобы родился один из ваших сыновей, — перебила отца Валентина.

— На Земле, Валя, это бы произошло естественным путем, только гораздо раньше. На станции он умер в возрасте ста двадцати лет, успев сделать два открытия.

— Я не буду больше спорить. Простите, что испортила вечер. У меня тоже есть новость. Хорошая. Я ушла с работы.

— Валя...

— Да, Саш, я не успела тебе сказать. Я поступила в организацию «За свободный выход на Марс». Дайте нам выбор. Я не могу больше сидеть в этой банке.

— Валя, ты с ума сошла. Что вы там собираетесь делать? Жить в скафандре?

— Я не уверена, что на поверхности Марса необходим скафандр.

— Что ты несешь?

— Там можно дышать. Да, там бедная атмосфера, но не смертельная. У нас есть некоторые доказательства...

— У кого — у вас? С кем ты связалась, Валентина?

— С неидеальными людьми, Саша. Не все мы тут, как выяснилось, подходим для идеального мира. Видишь, собрали лучшие умы, а на выходе снова образовалась партия дураков. Давайте закончим об этом. Дома поговорим, Саш.

— Да, Валя. Я думаю, Саша тебя в любом случае поддержит, — мама угрожающе посмотрела на старшего сына, — а я хочу напомнить о ещё одной отличной новости — наш младший сынок наконец бросил свой ужасный футбол, — бодро отрапортовала дипломатичная мама.

— Аплодисменты, пожалуйста, — на этот раз с кислой физиономией выступил Дэн.

— Поэтому, мы можем сейчас все вместе решить, каким таким видом спорта было бы полезно заняться будущему историку-хронопатологу. Мне, например, нравятся прыжки в длину. Древний вид спорта, олимпийский.

— А в ширину есть прыжки? — спросил Дэн, — очень хочется научиться. Всю жизнь мечтал.

— Не ёрничай, Дэн. Не хочешь, не прыгай. Не нравится древний вид спорта, могу предложить самый новейший, — мама протянула небольшую коробку, — вот. Новый квест. Нам в лабораторию принесли рекламу.

— Мам, эти игры для подростков. Зачем Дэну

такая ерунда, — влез Саша.

— Нет. Этот квест не для подростков, а для взрослых. Говорят, интересный, называется «Три шара». Около двадцати команд со всех городов станции. Тут всё написано.

Дэн неохотно взял коробку.

— Спасибо.

— Вот и славно, — мама удовлетворённо оглядела семью за столом, — а теперь давайте пить чай. С яблочным пирогом.

Вечер закончился мирно. Валентина за чаем порозовела, смягчилась, Саша не отпускал её руку. Отец рассказывал хохмы из жизни новичков в отделе безопасности. Все смеялись. Дэн уплетал третий кусок пирога. Потом Саша с Валентиной ушли в свой Питер.

Дэн остался ночевать у родителей в Москве. Он лежал в бывшей детской, привычно глядя перед сном на кусок искусственного неба в окне. Это небо он видел уже семнадцать лет. Один и тот же неменяющийся фрагмент с одной и той же застывшей луной.

Глава 4

Земля — 2115. Шестой поселок

Мальчики возвращались из школы по окружной дороге. Начало марта было непривычно

сырым, поэтому ноги постоянно застревали в топкой жиже подтаявшего снега. Пашкины ботинки почти сразу промокли, но он и не заметил. К мокрой обуви мальчик давно привык — ботинки никогда не успевали за ночь просохнуть в холодной квартире.

По прямой дороге идти было короче и суше, но там караулила банда Шелеста. Нарваться на них никак было нельзя, потому что в кармане у Пашки лежала драгоценная батарейка. Кроме того, на Боньке сегодня была надета невиданная куртка. Мать ему где-то выменяла. Очень старая куртка, вся залатанная, но теплая и прочная. Еще с «тех» времен. Такую куртку падальщики из банды Шелеста не упустят, вмиг разденут, еще и наподдадут. А Боньке без куртки нельзя, он и так всё время кашляет. Пашка помотал головой, прогоняя мысли. Вот так же отец начал кашлять за год до смерти. Не смогли они достать лекарство.

Несмотря на то, что в охранной зоне жители получали дополнительный паек за повышенную ответственность, всё равно еды не хватало, не говоря уже о лекарствах. Утешались тем, что в других местах снабжали ещё хуже. Им хоть редко, но выдавали мясо и сахар, такая роскошь была доступна только шести посёлкам охранной зоны. В остальных городах мясо выделялось исключительно членам инспекции и комитетов. Но

в охранной зоне все привилегии давались не просто так, а потому, что здесь находилось захоронение ядерного оружия и прочих дьявольских изобретений «страшного» века. Здорово люди придумали — оружие в землю закопать, саркофагом прихлопнуть и забором в три ряда обнести. Только непонятно, чем им батарейки помешали с фонариками. Пашка подумал, что ему повезло жить рядом с запреткой. Во-первых, голодали не так. И к тому же, сама запретка кормила. Бандюганов, правда, вокруг неё развелось. Однако, что ни говори, жили они неплохо. В дальних городах, по слухам, было совсем голодно. А все из-за Последней войны. Но ничего, они потерпят. Главное — чтобы до оружия никто не добрался.

Пашка думал о войне отстраненно, вроде как о монстрах с щупальцами из фильмов, про которые Песок рассказывал. Эти монстры потом так и стояли перед глазами, захочешь — не забудешь. Жуть какая, придумают же люди. Пашка сжал руками батарейку в кармане. Если Кривой ему фонарик принесёт и с собой пару раз возьмёт, он потом сам сможет на запретку ходить. Пашке обязательно надо стать сталкером. У него нет выбора. Нет отца, нет старшего брата, только мать и сестра Ольга. Ей семнадцать, а она уже на вторую работу устроилась, чтобы налог выплатить. Не

выплатишь налог — придётся идти на завод в горячий цех, а после него кашлять как раз и начинают. Нет. Этого Пашка не допустит. Он уже взрослый. Пашка не сомневался, что у него всё получится. Ему Кривой показывал карту, ничего сложного там нет. Пашка ещё и ловкий, а то, что мелкий, так это на пользу — в любую щель пролезет. Ему игрушки с запретки не нужны, не для забавы пойдет, только на продажу. Будут деньги — через два года уйдет из ненавистой школы. И лекарства достанет. Их всем каждый день пить надо, про это Пашке один умный человек рассказал. Если каждый день пить, то кашлять даже после горячего цеха не начнёшь.

Бонька тяжело дышал, с трудом вытягивая из грязи тяжелые сапоги. Есть хотелось нестерпимо, из-за Пашкиного наказания колкой дров они задержались почти на час. Пашка вообще-то отлично колет, если дерево сухое, и для школы ему не жалко наколоть. Да только то, что он наколол, в школе не останется. Бушка гнилой дрова себе заберет. Он-то не в сырой квартире живёт, такие гниды все в избах деревянных расселились и топят школьными дровами. Никто Бушке поперёк не смеет сказать, знают, что сразу донесёт в инспекцию за то, что не выполняешь протоколы запретов. А как выполнять, когда и запомнить их все невозможно.

Чтобы отвлечься от мыслей и подбодрить Боньку, Пашка стал насвистывать любимую песню про звёздного коня. Песню им давал слушать знакомый сталкер Песок. Хорошая песня, но почему-то плакать от неё хотелось. Тоже с «тех» времен. И слушали «старые» песни только сталкеры на невиданных плеерах. Пашка сначала насвистывал, потом запел, но Бонька его не поддержал. Он давно уже устал. Быстро стал уставать Бонька в последнее время. Купить бы ему лекарство. Ничего. Пашке только до запретки добраться, он сразу разбогатеет и всем-всем поможет. Маме, сестре, Боньке... Надо думать о хорошем. Ведь есть же хорошее, есть.

— Слышь, Бонька? А если бы в войне мы не победили, чего бы тогда с нами было? — спросил Пашка, чтобы не слышать свист из Бонькиной груди.

— Как чего? Ничего бы не было. И нас бы не было.

— Почему? Они бы нас всех убили?

— Поработили. Нам же сто раз рассказывали.

— А это как, Бонька? Вот ты мне расскажи, как это поработить? Как собаку что ли на цепь посадить? Так зачем нас на цепи держать, жратву переводить?

— Чё ты придуриваешься. Раб — он для работы.

— Так и сейчас все работают. У меня мамка на заводе десять часов работает.

— Ну это же для себя, для своего государства, — начал объяснять рассудительный Бонька, — а не для врагов. Для своих можно и двенадцать часов работать и, ещё, знаешь, если бы нас поработили, то фиг бы стали в школе учить, а сейчас мы образование получаем.

Пашка недоверчиво посмотрел на Боньку.

— Я это образование ненавижу вместе с их вонючим санблоком и похрями. У меня от протоколов между ушей чешется. Вот ты скажи, на кой черт они нам нужны, эти протоколы? Лучше бы рассказывали про другие планеты.

— Ты что! Информация про другие планеты находится в основном протоколе запрета.

— А почему?

— Чтобы не повторилась война.

— Не понимаю. Вот хоть тресни, не понимаю.

При чём здесь война?

Бонька хотел ответить, но неожиданно закашлялся и кашлял минут пять.

Пашка нахмурился. Потом шли молча, Пашка думал про образование. По всему выходило, что он был предателем, потому что он, пожалуй, совсем не против, если б какие враги его отменили, это образование. Особенно, санблок. После него шрамы от ожогов месяц не заживают, а попадал Пашка

туда уже два раза. Ну не получалось у него соблюдать дисциплинарную матрицу, никак не получалось.

Мальчишки подходили к поселку. Дорога стала суше, кучи мусора на обочинах запорошил снег, стекавший вонючей жижей в узкую канаву вдоль дороги. Некоторые мусорные завалы были высотой выше метра. Поселковые собаки бродили по вершинам помойных архипелагов, как горные козлы.

— Смотри, это ж Дуська! — обрадовался Пашка, увидев знакомую псину с оттянутыми сосками. — Она с нашего двора, в подвале живёт, у нее щенки маленькие. Эх, покормить бы её, — Дуська, Дусь... — Пашка позвал собаку, та завиляла хвостом, примериваясь, как бы ловчее спрыгнуть с горы к приятелю.

Собака уже вытянула вниз лапы, но вдруг зарычала, потом сунула нос в мусор и вдруг громко залаяла, отпрянув назад. Некоторые хвостатые товарищи удивленно поддержали её с соседних куч, но без особенного энтузиазма. Собаки здесь были пуганые и битые человеком, поэтому без надобности пасть старались не открывать. Дуська же продолжала лаять, время от времени переходя на глухой рык.

— Ты чего, Дусь? — Пашка шагнул к обочине, — ты чего там нашла?

Бонька быстро оглянулся. Улица была пуста. Пашка остановился возле кучи, не решаясь шагнуть через канаву. Дуська, увидев поддержку, потянула из мусорного завала, хрипя и мотая головой, какую-то тряпку. Пашка встал на цыпочки, чтобы получше рассмотреть Дуськину находку и вдруг так же, как и собака, отпрянул. Тряпка оказалась рукавом пиджака, из которого торчала человеческая кисть. Дуська потянула дальше, и Пашка увидел уже и самого обладателя руки. Мертвяк. Труп. Сомнений не было. Среда обитания давно научила Пашку с Бонькой определять подобные штуки на глазок, как и то, что оставаться рядом с находкой было неразумно. И уж совсем было бы глупо звать на помощь.

— Пашка, уходим, — Бонька нервно озирался, — не стой. Пошли. Сейчас «нарзы» появятся. Потом не докажем.

Пашка уже собрался шагнуть назад, но тут рука мертвяка упала вниз, и откуда-то из рукава выкатился небольшой шарик, размером с каштан. Шарик покатился с кучи мусора, явно целясь свалиться в канаву, но почему-то скакнул на ржавую жестянку, потом ловко подлетел вверх и приземлился прямиком под ноги Пашки, чудесным образом миновав узкую вонючую топь. Мальчишки замороженно смотрели на удивительный шар. Тот заманчиво поблёскивал и немного светился. Пашка

вопросительно посмотрел на Боньку, тот отчаянно замотал головой. Пашка дёрнулся было уходить, но все-таки не выдержал и присел на корточки.

— Не надо, Паш. Нас найдут. Вот увидишь. Там запрет во всех протоколах — не трогать незнакомые вещи и сразу сообщать в народную защиту. Пашка, мы санблоком не отделаемся. Трибунал же. — Бонька продолжал бормотать, но Пашка его не слушал. Он дотронулся до шарика пальцем и почувствовал лёгкое дрожание.

«Вот оно! Наконец-то! Свершилось» — подумал Пашка, не осознавая ясно, что именно свершилось, но понимая, что нашёл вещь непростую. Он схватил шарик и быстро сунул в карман.

— Бежим!

Боньке повторять было без надобности. Они помчались вместе до главной развилки в начале поселка. Дуська, благоразумно заткнувшись, бежала за ними. На развилке мальчишки, не прощаясь, разбежались в разные стороны. Бонька перед поворотом оглянулся и внимательно посмотрел назад. Дорога оставалась пустой.

Глава 5

Станция «Марс — 2022». Парк Университариума

В гамаке было неудобно и холодно. Дэн спрыгнул на землю и с сожалением посмотрел на куртку конфискованную Линдой. Девушка лежала с закрытыми глазами в соседнем гамаке. Подключена. К сессии готовится. Всегда понятно с первого взгляда, спит человек или подключен, хотя внешне — ну никаких отличий, все мимические мышцы неподвижны. Но сколько раз ни проверяли, никто ни разу не ошибся. Алекс тоже подключен, вон голову на бок свесил.

Дэн сам редко подключался, только если был полный завал и цейтнот, в остальное время предпочитал бумагу. Ему как историку полезно активировать Ю-зону нейронов. А психологи таки признали, хоть и неохотно, что Ю-зона активируется исключительно при работе с бумагой, даже с древней электроникой не активируется. Бумага и только бумага. Технари, правда, и тут не растерялись, заявили, что им эта Ю-зона ни к чему и, якобы, даже мешает. Якобы Ю-зона провоцирует психические расстройства. Бред, конечно. Не может она никому мешать. А психические расстройства у технарей и так вроде насморка. Жулики лабораторные. Дэн подумал, что может ему стоило в нейропсихологи податься. Хотелось бы разобраться, как наш котелок варит.

Неожиданно подул ветер, сметая сухие листья с велосипедной дорожки. Дэн потянулся, зябко

передёрнул плечами и замахал энергично руками и ногами, чтобы согреться. Конечно, в Оксфорде в это время теплее, чем в Москве или Питере, но всё-таки это была Британия, а не Италия. И почему бы им было не соорудить мировой Университариум, например, в зоне Майами, куда они госпиталь воткнули. Тоже мне, жертвы традиций. Говорим учеба, подразумеваем Оксфорд. Эх, сейчас бы на песочек, под солнышко, на бережок с синим горизонтом. Он несколько раз присел и вдруг завопил во всю глотку на манер индейца из детских игр, сопровождая дикими плясками круг почета вокруг площадки с гамаками.

Линда с Алексом открыли глаза и недовольно уставились на Дэна. Он с дурашливой улыбкой помахал рукой друзьям.

— Даёшь дрыгоножество и рукомашество в борьбе против холода и голода!

— Ты прервал мне десятый блок интеграции. Теперь придётся начинать сначала, — проворчал Алекс.

— Сначала интегрируем кусок жареного мяса в мой пустой желудок, иначе у меня случится приступ наукофобии.

— Я бы тоже что-нибудь съела, — сказала Линда, — например черничный десерт. Или мороженое. А давайте, смотаемся в Вену? Кофе попьём с вафлями.

— Ну уж нет. Меня десертом не накормишь, — ответил Алекс, — я предлагаю далеко не ходить. У нас отличная обжорка на кампусе. Десертов, там, кстати, тоже навалом.

— Фи. На кампусе порции, как для бегемотов, — Линда сморщила безупречный носик.

— Как для нормальных студентов. Много мяса и картошки. И хачапури отличные. Так что я согласен. — Дэн попрыгал на месте, — а кто хочет мороженое, пусть сначала вернёт мою куртку. Я смотрю, этому кому-то стало жарко.

— Ещё чего, — засмеялась Линда, — мы с твоей курткой отлично дополняем друг друга. Ладно, поехали на кампус. Там мороженое тоже есть.

Они выкатили велосипеды на дорожку. В Оксфорде было три часа дня. Парковая часть тянулась километров на десять, охватывая территорию семи университетов. Повсюду в парках, за прозрачными ограждениями, находились площадки для подключения студентов к единой интерфоральной базе. Солнце, отрегулированное на осенний режим, отражалось в идеальном круге озера. Среди деревьев бродили сосредоточенные грибники, разгребая прелые, осенние листья.

До кампуса ребята доехали за десять минут. В студенческом кафе почти все столики оказались заняты. В огромном помещении стоял невероятный

шум: звон посуды, смех, юные голоса, стук деревянных стульев, чьи-то хлопки, громкие приветствия.

— Жор во время сессии — обычное дело, — почесал затылок Дэн.

Втроём они кое-как втиснулись за столик на двоих. Алекс поставил тарелку на колени.

— Дэн, а ты что, правда с футболом всё? Завязал?

Поскучневший Дэн неохотно кивнул.

— Слушай! Давай тогда на рыцарский турнир завтра. В Эдинбурге состязания.

— Что ты привязался ко мне со своими состязаниями? То варвары, то рыцари.

— Я ж как лучше хочу, — обиделся Алекс, — чтобы отвлечь тебя от переживаний.

— Да не переживаю я. Ты как моя мама. Кстати, она мне подсунула новый квест, сегодня вечером игра. Называется «Три шара».

— Ой! А я слышала про него, — оживилась Линда, — говорят интересно. Давайте пойдем.

— Сегодня вечером? А где точка? — спросил Алекс.

— Если вы в игре, то как раз три человека в команде. Наша точка в Москве, возле вакуумного отсека. Там начало. Ну что? Встречаемся?

— А в Москве сейчас снег, да? — поморщился Алекс.

— Ты его не заметишь. Квест проходим через систему вентиляции.

— Ух ты! Никогда там не была! Чур, я — в игре! — Линда захлопала в ладоши.

— Тогда, я тоже, — сказал Алекс.

— Договорились. Квест ночной. Жду вас возле входа в восемь вечера.

— А что надо взять?

— Ничего. Там всё приготовлено.

Дэн после обеда пошёл к себе. В спальном здании кампуса было тихо, к сессии студенты предпочитали готовиться в парке или в классических библиотеках. Впрочем, отдельные, особенно пытливые студиязусы, могли получать материал из первоисточников — в Панторитарии, лично общаясь и, даже вступая в полемику с голокопией Ньютона, Коперника или ещё какого Эйнштейна.

Шаги Дэна гулко звучали в пустом холле. Он открыл дверь комнаты, стащил ботинки и завалился на кровать, не раздеваясь. Перед ночной игрой было бы неплохо поспать. Рядом с кроватью лежала старенькая книга, та самая, Сашкина — фантастика двадцатого века. Дэн раскрыл книгу, не глядя. Он читал её с любого места, испытывая странное, и в то же время волнующее ощущение присутствия автора. Забавно узнавать о себе мысли тех, кто жил за двести лет до твоего рождения. Забавно и местами смешно. «Нуль-Т»? Угу. Они от него

сейчас ещё дальше. «Ионный душ»? Зачем он нужен? Что может быть лучше обыкновенной, горячей воды? Кстати, надо бы принять душ, но глаза уже не открываются... И переодеться... И предупредить Софию, что вечером он занят... Через пять минут Дэн спал здоровым, победительным сном юности.

Проснулся он от прямого включения обращения Президента. Сегодня им был ректор Калифорнийской медицинской академии. Как такового, правительства на станции Марса не существовало. Все функции чиновников выполняла соответствующая программа и несколько довольно примитивных роботов, но отдавая дань традиции, люди решили сохранить пост Президента первого внеземного поселения людей. Президенты менялись каждую неделю. Как правило, ими были крупные учёные семи главных университетов станции, объединенных в Университариум. Президенты не имели никаких привилегий и, по сути, выполняли единственную функцию: раз в сутки они выступали перед поселенцами с отчётом: какие успехи каких лабораторий помогут людям побыстрее выйти на поверхность Марса из-под купола станции. Президентов еще называли «советом семи» или «великолепной семёркой», кажется, это было название старого земного фильма.

Дэн немного послушал профессора Штедтнера, который с воодушевлением рассказывал о непонятной зет-реакции мышей на переменную в марсианской воде, потом смахнул изображение и поплёлся в душ, трясая мутной головой. Спать на закате — дурное дело. В Оксфорде уже смеркалось.

В Москве Дэн успел забежать к родителям и поужинать. На улице, как и предсказал Алекс, шёл снег, в ярком свете фонарей он переливался крупными, разноцветными искринками. В центре было многолюдно и шумно. Высокая ледяная горка спускалась широким полукругом к площади, обрамлённой факелами живого огня. Возле Большого дорогу перегородили кареты, извозчики замысловато бранились между собой и стегали лошадей. Дэн усмехнулся. Лаборатория исторической реконструкции работала на «отлично». Некоторые ребята с их курса подрабатывали живыми артефактами эпохи за баллы для зачёта, Дэн и сам как-то участвовал в похожем проекте — салун на Западе во времена золотой лихорадки.

Он свернул на нужную улицу, здесь было поспокойнее. Похоже, что местные жители для перемещения предпочитали старую, добрую бочку под землей, игнорируя винтажные транспортные копии. На снегу топтались несколько собачников со

своими барбосами, да пролетел мимо на невиданном драндулете одинокий любитель голливудских блокбастеров. В домах зажёгся свет, снегопад уже остановили. В конце улицы маячили двое. Линду Дэн узнал сразу, в вот Алекс оказался одет в невообразимый тулуп, вроде тех, в какие нарядили извозчиков. Линда хихикала, косясь на Алекса, похожего на медведя. Дэн хотел засмеяться, но глянув на несчастное лицо Алекса, передумал.

Ребята поднялись на площадку ко входу в вакуумный отсек. Здесь Москва уже заканчивалась, начиналась зона коммуникаций. Температура, в отличие от имитационных климатсекторов, в инженерных зонах всегда была ровная. Попадая сюда, сразу становилось понятно, что ты на космической станции, а не в Москве или Париже. Дэну нравилось тут бывать, пропадало ощущение фальшивой театральности, которое всегда преследовало его в городах станции. Это было странно, потому что он родился на Марсе, никогда не был на Земле и не мог знать настоящей земной жизни, но все равно чувствовал, что всё под куполом ненастоящее. А вот на территории бесконечных переходов, галерей, огромных цехов и секторов жизнеобеспечения станции Дэна отпускало еле уловимое напряжение. Здесь, да ещё, пожалуй, в доме родителей.

С недавних пор некоторые зоны коммуникаций разрешили использовать для молодёжных квестов. Сделано это было по настоянию психологов, которые не смогли объяснить зашкаливающую агрессивность командных игр среди молодежи. Наверное, просто решили перенаправить энергию. Участвовать в таких квестах можно было только с шестнадцати лет, игры были довольно сложными и даже, отчасти, опасными.

Дэн достал из кармана коробку с чипами для игры. Дверь в вакуумный отсек ребята открыли с помощью выданных кодов. Алекс с облегчением сбросил доху на белый пол и вытер лоб.

— Мне её в музей вернуть надо.

— Ты бы ещё на оленях приехал, — проворчал Дэн.

Он активировал первый чип, и через минуту друзья разобрали приготовленные шары. Линда открыла первая.

— У меня саванна! — воскликнула она.

— А у меня джунгли, — сказал Дэн, раскрыв второй шар, — чёрт, не люблю ползучую гадость.

— А у меня тайга, — Алекс озадаченно посмотрел на Дэна.

— Хех. Это тебе специально, как ценителю русской зимы.

— Зато нет шанса наступить на крокодила.

— Есть шанс познакомиться с бурой мишкой. Да, ладно, не напрягайся, они мирные.

— А сколько раз можно подключаться, кто-нибудь понял? — сердитый Алекс крутанул шар.

— Вот смотри. Здесь указано: нужно добраться до шестого сектора, играют двадцать команд. Если там опытные игроки, они смогут вмешаться в твой маршрут.

— А мы можем влезть в чужой маршрут? — спросила Линда.

— Можем. Да только нам свой бы одолеть. Первый раз редко кто доходит до цели, но у нас есть право на три включения между собой. Предупреждаю, если у кого-то сломался ноготь, меня не беспокоить, — сказал Дэн.

— А как выйти из игры? На случай бурого мишки? — спросил Алекс.

— Из игры можно выйти, сняв защиту, сразу всё автоматически блокируется, но тогда остальные два участника выбывают тоже.

— Я продержусь, честное слово, — быстро сказала Линда.

— А я не уверен, — Алекс хмуро разглядывал сетку на костюме, — чего это вообще такое?

— Это от комаров. Или от гнуса, — заржал Дэн, глядя на Алекса, — ты же хотел отвлечь меня от грустных мыслей о футболе? Так вот, дорогой

друг, тебе это удалось!

Наконец, все трое разобрались в экипировке. До начала старта оставалась минута, ребята посмотрели друг на друга. Линда, как всегда, улыбалась. Дэн ободряюще кивнул Алексу. В вакуумном отсеке шумели неведомые механизмы. Дэн вдруг подумал, что исследовать коммуникационную зону было бы не менее интересно, чем проходить квест. Жаль, что у них нет доступа во все отсеки. Дэн не успел размечтаться про путешествие в инженерной зоне, как запищал и зажёгся сигнал старта. Ребята надели очки, отошли друг от друга на положенные метры и активировали второй чип.

В первый момент вокруг потемнело, потом на Дэна обрушились запахи и звуки. Влажный воздух ударил в лицо, справа что-то затрещало, Дэн непроизвольно метнулся в сторону и тут же упал, зацепившись за корень дерева, торчащий из земли. Какое-то время он оставался лежать, прислушиваясь и привыкая к непривычному освещению, затем осторожно, не делая резких движений, поднялся.

В джунглях был день, судя по тусклому свету, который едва проникал через густые заросли деревьев. Дэн огляделся. Чёрт! Тут не то, что тропинки не было, ногу не протиснешь. Гибкие, толстые верёвки лиан свисали плотной стеной

повсюду. Как он пролезет? Как обезьяна? По верху? Нет. На это рассчитывать не стоит. Значит, нужен инструмент. Сейчас он будет искать инструмент. Типа мачете. А где он может быть? Разумеется, там где подготовлена гадость малой степени. За мачете большего не положено. Дэн начал внимательно осматривать самое крупное дерево из тех, что были рядом. Вот этот курдюк мне не нравится. Кажется, так выглядит пчелиное гнездо. Интересно, пчелиное гнездо — это гадость какой степени?

Через полчаса Дэн расчистил путь огромным тесаком, добытым в честном бою, и всё же выбрался на более-менее просторный участок. Относительно просторный для того, чтобы сделать несколько шагов вперед. Кроме мерзких лиан, никто на него не нападал и даже не рычал. Шар молчал. Дэн разозлился. Я что в лесорубов играю? Где приключения и сложные логические задания? Где враги и хищники? Нудный какой-то квест. Интересно, что там у Линды и Алекса? Судя по тому, что все в игре, львы и медведи их пока не догнали. Впрочем, Алексу в тайге, наверняка, и без медведей не скучно. Вспомнив москитную сетку из экипировки Алекса, Дэн засмеялся. Н-да. А в его тропических зарослях даже насекомых почему-то нет. Слабоватый квест.

Разочаровавшись в скучных джунглях, Дэн уже подумывал карабкаться на дерево, чтобы

обнаружить хоть какое-то новое задание, но почувствовал долгожданную вибрацию. Шарик проснулся. Он вытащил шар из кармана, тот быстро закрутился и замигал. Странно. Что-то новенькое. Почему он дает сразу три команды? Стоп. Запрос на контакт. Линда или Алекс? Нет, здесь что-то не то. Включилась вторая волна. Кто-то подключается. Да что же это?! Раздался треск, по краям сверкнуло и джунгли вокруг завертелись с бешеной скоростью. Дэн потерял ориентацию, упал, больно ударившись, куда-то покатился, его сразу затошнило, но глаза он не закрывал. Деревья и лианы сначала скрутились в один зелёный смерч и затем рассыпались на пиксели.

Все стихло. Дэн сел, подобрал разбитые очки, потрогал лоб. Кажется, он хорошо приложился об пол. Шар как ни в чем не бывало лежал рядом. Дэн поднялся и раздражённо пнул дурацкую кругляшку. Идиоты-разработчики сделали чувствительность на пол-метра. Ну, конечно, кто-то из рабочих отсека рядом активировал свой чип, а его шар среагировал. Халтурщики. Теперь Алекс с Линдой из-за него выбыли из игры.

Привыкнув к слабому освещению неизвестного отсека, Дэн рассмотрел довольно широкий коридор, который заканчивался, вернее начинался, квадратным люком. Вдоль стен стояли ряды контейнеров. Он подошёл к единственной

двери, естественно запертой. Неужели его сюда принесло через люк? Дэн потянул квадратную крышку. Фу, вонь какая, судя по всему, он оказался в мусорном отсеке. Кто-то его сюда случайно перенаправил, вряд ли мусорный отсек используется для квестов. Он поднял свой шар и попробовал открыть дверь. Не получилось. Разумеется, игровые чипы не рассчитаны на то, что каждый болван станет вмешиваться в инженерные коммуникации. Придётся ждать, пока его найдут Линда и Алекс. Через мусорный люк выбираться не хотелось совершенно.

Дэн осмотрелся, куда можно сесть. Голова кружилась, на лбу вспухла шишка. Внезапно неугомонный шарик снова загудел, потом метнулся к потолку, с треском ударился и пулей устремился вниз. Да что они там, с ума сошли, так энергию гонять?! Свёртка, приземлившись, на этот раз не подскочила, а медленно, словно весила несколько тонн, подкатила к двери и резко остановилась. Раздался негромкий щелчок, дверь мягко поползла в сторону.

Глава 6

Земля — 2115. Запретная зона

Пашка забежал во двор серых блочных пятиэтажек. От деревянной постройки с рядом

узких дверей несло выгребной ямой. Канализация в квартирах уже давно не работала, и жители трёх шестиподъездных домов соорудили на бывшей детской площадке коллективный нужник. Соседей во дворе не было, рабочая смена ещё не кончилась. Дуська виновато посмотрела на Пашку и потрусила к лазу в подвал, где она прятала щенков.

Пашка уже хотел шмыгнуть в подъезд, но не успел. Со стуком распахнулась деревянная дверь сортира, оттуда шагнул, застегивая ширинку, Вислый, прозванный так за непропорционально длинные руки и длинные же, вечно сальные, волосы до плеч. Весь его облик напоминал одно большое ухо старого спаниеля.

— Э-э... ты, слышь, стой.

Пашка притормозил, чуть повернув голову. С Вислым, по-возможности, он старался не пересекаться. Работал тот осведомителем в народной защите, и репутацию имел злого и опасного психа.

— Э, слышь, эта... сестра дома?

— Не знаю, — ответил Пашка.

— А чёт эта, не видно её?

— Работает много.

— А чёт эт-та много-то? Не тем местом работает, гляди. Так ты ей передай, что девкам другим местом работать надо. А то может она не знает, так я её научу, — Вислый глумливо хрюкнул.